

№ 290. 801-14
339

Разказы для дѣтей

Тенри Друммонда.

Безсмертная обезьяна.

Въ переводѣ

Л. Л. Толстого.

МОСКВА.
Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о.
Пименовскій ул., с. д.
1901.

БЕЗСМЕРТНАЯ ОБЕЗЬЯНА.

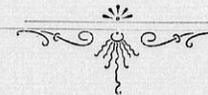
РАЗСКАЗЫ

ДЛЯ ДѢТЕЙ

ГЕНРИ ДРУММОНДА

ВЪ ПЕРЕВОДѢ

Л. Л. Толстого.

МОСКВА.

Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о, Пименовская ул., соб. д.
1901.

Дозволено цензурою. Москва, 9 сентября 1900 года.

26183-0

2011094558

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>
1) Безсмертная обезьяна	7
2) Пявка	33

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Англіи издавался дѣтскій журналъ подъ заглавіемъ *Wee Willie Winkie* и издательницами этого журнала были двѣ дамы, мать съ дочерью,—знакомыя знаменитаго англійскаго писателя Генри Друммонда. Въ 1891-мъ году пришлось этимъ дамамъ отлучиться на нѣсколько мѣсяцевъ изъ Англіи въ Канаду, и тогда ихъ издательское мѣсто на это время занялъ профессоръ Генри Друммондъ. Онъ, можетъ быть, ничего бы и не написалъ для этого дѣтскаго журнала, кабы одинъ изъ сотрудниковъ его не опоздалъ присылкой своей рукописи къ мѣсячному выходу журнальной книжки, и она оставалась поэтому незаполненной. Тогда Друммондъ долженъ былъ сѣсть и написать «что-нибудь». Это было въ первый разъ въ жизни, что онъ сочинялъ изъ головы, но сочи-

неніе это росло изъ-подъ его пера, и онъ находилъ даже удовольствіе въ сочинительствѣ. И такъ случилось, что, несмотря на шутливое отношеніе къ своимъ сказкамъ ихъ автора, исторіи «объ обезьянѣ, которую никто не могъ убить», или «безсмертной обезьянѣ», были рассказаны и пошли ходить по всему дѣтскому читающему міру.

I.

Безсмертная обезьяна.

Глава I.

Нѣтъ на свѣтѣ такого существа, какъ безсмертная обезьяна, но эта обезьяна была настолько близка къ нему, насколько это возможно.

Толкуйте о кошкѣ, которая жила девять жизней,—эта обезьяна жила ихъ девяносто.

Обыкновенно на обязанности обезьянъ лежитъ увеселеніе всѣхъ, но особенная обязанность этой обезьяны, какъ мнѣ кажется, была сердить каждаго, насколько только могъ каждый сердиться.

Положительно доказана способность этой обезьяны приводить людей въ бѣшенство.

Сколько разъ спасалась она до того дня, въ который убѣжавшій слуга принесъ ее миссіонеру, отъ котораго я въ первый разъ услыхалъ о ней,—никто не знаетъ. На ней не много было шерсти, когда она явилась, и на головѣ была зловѣщая рана, и уши ея не

были вполне симметричны. Но дѣти были въ страшномъ восторгѣ отъ нея и, послѣ долгаго и нѣжнаго ухода за нимъ, существо это возстановило свое здоровье и, надо признаться, слишкомъ бойкій и грубый нравъ.

Дѣти хотѣли окрестить его моднымъ именемъ «Жаки», но послѣ ряда подвиговъ, которыми отличилась обезьяна на счетъ каждаго изъ домочадцевъ поочередно, стало очевидно, что только одна кличка достойна четвероногаго съ такими особенными наклонностями; это имя было «Шельма». Поэтому она названа была Шельмой и жила она какъ «шельма» и не умирала.

Въ домѣ не стало больше покоя съ тѣхъ поръ, какъ появилась «Шельма». Она съѣдала все, опрокидывала все, ломала все, дѣлала все то, что бы не должна была дѣлать спасенная обезьяна. Если ее запирали въ комнаты, она вылѣзала въ трубу. Если ее выгоняли изъ комнаты, она возвращалась въ комнату черезъ трубу.

Что было дѣлать съ такой штукой?

Нельзя было держать ее ни въ комнатахъ, ни на дворѣ, и наконецъ былъ объявленъ ей краткій приговоръ, — было рѣшено отдать Шельму. Но къ тому времени вся окрестность уже знала о ней, и никто не

хотѣлъ ее брать. Не видано еще было, чтобы люди отказывались отъ такого подарка. Даже сбѣжавшій слуга мило улыбнулся, когда его старый другъ былъ предложенъ ему обратно, и сказалъ, что, къ сожалѣнію, у него нѣтъ средствъ, чтобы покупать обезьянъ вдоволь орѣховъ.

Конечно, мысль снести Шельму въ лѣсъ и заблудить ее тамъ тоже пришла въ голову одному деревенскому умнику, и вотъ, въ одно прекрасное воскресенье толпа мальчишекъ явилась, чтобы привести эту мысль въ исполненіе.

Но было бы одинаково бесполезно стараться, чтобы заблудился почтовый голубь.

Всюду, куда ни шли мальчишки, вездѣ за ними слѣдовала обезьяна, какъ ягненокъ. Когда они бѣжали, она бѣжала; когда они пускались бѣжать обратно, она не отставала; и, когда они вернулись домой, смертельно усталые, Шельма сидѣла уже на церковной крышѣ и смѣялась надъ ними.

Въ ту же ночь случилась самая большая бѣда. Когда народъ сошелся для недѣльнаго собранія, не нашлось въ церкви ни одной цѣльной книжки псалмовъ. Очевидно, кто-то занялся ими и вмѣстѣ съ ними и каедрой. Подушки были разорваны, шторы были въ лохмотьяхъ. Изъ органа были вынуты цѣликомъ два лада.

Послѣ службы депутація торжественно ожидала миссіонера. Они заперлись и совѣщались полтора часа, но никто, кромѣ нихъ, никогда не узналъ, что они тамъ дѣлали и о чемъ говорили.

Единственное обстоятельство, какое можно было, пожалуй, мысленно соединить съ таинственнымъ совѣщаніемъ, было то, что около полуночи въ тотъ вечеръ была видна маленькая лодочка, украдкой уползавшая въ море.

Въ ней были двѣ фигуры: одна изъ нихъ, которая гребла, принадлежала почтенному старшинѣ; другая, сидѣвшая на рулѣ, была похожа на очень маленькаго мальчика.

Глава II.

Еще не разсвѣтало, когда вахтенный на кораблѣ «Вулканъ», стоявшемъ на якорѣ у N-аго берега, проснулся отъ страннаго шума за собой. Подойдя къ мѣсту, откуда шель шумъ, онъ былъ очень удивленъ, найдя сильно загрязненную обезьяну, теревшуюся о кучу матросскаго платья. Повидимому, она проплыла или проѣхала большое разстояніе и теперь старалась возстановить въ себѣ обращеніе крови.

Жери, бывшій добрымъ человѣкомъ, досталь обезьянѣ сухарей и блюдечко съ грогомъ и ожидалъ, что будетъ дальше. Но ожидать ему пришлось не долго. Черезъ какіе-нибудь двадцать четыре часа командиромъ корабля «Вулкана», вмѣщавшаго въ себѣ 740 тоннъ, была обезьяна, прозванная «Шельмой».

У меня не хватило бы времени рассказать о жизни, какую вела обезьяна на «Вулканѣ».

Послѣ первой недѣли на кораблѣ только двѣ вещи спасали Шельму отъ смерти, грозившей ей ежеминутно. Одна изъ этихъ вещей была ея изобрѣтательность, другая—ея порочность. Ежедневно она занималась какимъ-нибудь новымъ злодѣйствомъ. А на кораблѣ все новое, вѣдь, почти свято. На корабляхъ не издають «Пунша»^{*}), и потому Шельма замѣняла собой всѣ юмористическіе журналы, взятые вмѣстѣ. Но это не было главной причиной, спасавшей ея жизнь.

На корабляхъ обыкновенно возникаетъ порядочно-таки тихихъ и скрытыхъ ссоръ. И вотъ помощникъ капитана держалъ Шельму, думая, что она, можетъ быть, когда-нибудь дастъ урокъ капитану; капитанъ надѣялся,

^{*}) Англійскій юмористическій журналъ.

что она сдѣлаетъ какую-нибудь ужасную штуку съ его помощникомъ. Каждый ждалъ, чтобы Шельма сдѣлала что-нибудь съ другими.

И такъ добилась она высшихъ отличій среди купцовъ-моряковъ и была уважаема всѣми ими на палубѣ корабля «Вулканъ».

Но въ одинъ прекрасный день Шельма была все-таки повѣшена, — формально, обдуманно, послѣ суда надъ ней.

Что же такое она сдѣлала?

Она убила кошку, принадлежавшую кораблю.

Это было сознательное убійство, безъ смягчающихъ вину обстоятельствъ, и потому веревка съ узломъ была перекинута черезъ рею, и Шельма была вздернута на нее въ присутствіи всего экипажа. Это случилось около восьми часовъ утра, и до сумерокъ Шельма висѣла тамъ, наверху, спокойно и безъ движенія. На слѣдующее утро Шельма продолжала висѣть въ воздухѣ, жива-живехонька.

Оказалось, что Шельма не была повѣшена, она просто висѣла.

Какъ вамъ извѣстно, обезьяны, вѣдь, очень любятъ повисѣть. И на дѣлѣ, хотя Шельма и была на большой высотѣ, она схватилась руками за веревку и чувствовала

себя тамъ вполне безопасно, какъ дома. Веревка вокругъ такой шеи, какъ Шельмина, была простымъ шарфомъ.

Исполнители казни порядочно устыдились, увидавъ, какъ обстояли дѣла; но вмѣсто того, чтобы смягчиться, они еще злѣе разсердились на эту болтавшуюся въ воздухѣ обезьяну, которая такъ ядовито подшутила надъ ними. Боцманъ вмигъ очутился на мачтѣ и, освободивъ веревку одной рукой, а другой схвативъ обезьяну за хвостъ, махнулъ бѣдную Шельму на добрую сажень за бортъ корабля въ воды Атлантики.

Но только-что боцманъ слѣзъ съ мачты на палубу, какъ его обрызгаль какой-то необыкновенный и сильный дождь.

Что бы это такое значило?

Это была только Шельма, стряхивавшая съ себя соленую морскую воду.

Обезьяна изъ моря вскарабкалась по рулевой веревкѣ и очутилась на палубѣ раньше боцмана. Что бы случилось послѣ этого, трудно предсказать, но въ эту минуту капитанъ, привлеченный взрывомъ смѣха, вызваннымъ вспрыскиваніемъ боцмана, взошелъ на палубу и узналъ о томъ, что послѣдовало вслѣдъ за повѣшеніемъ обезьяны.

Тогда капитанъ, прямой и добродушный

человѣкъ, сказалъ, что ни человѣкъ, ни обезьяна, уже разъ повѣшенные на его кораблѣ, не будутъ приговорены къ смерти вторично.

— Таковъ былъ законъ и на сушѣ,—сказалъ капитанъ.

И такимъ образомъ Шельма получила вторичное помилованіе, и корабль «Вулканъ» оставался еще два мѣсяца подъ ея властью. Но въ концѣ этого періода наступилъ кризисъ.

Корабль приближался къ гавани, и была назначена серьезная чистка его. Въ числѣ другихъ вещей, лодки корабля должны были быть вновь выкрашены. Въ несчастную минуту одинъ изъ маляровъ сошелъ внизъ обѣдать и оставилъ на палубѣ свой горшокъ съ красками.

Если бы Шельма не воспользовалась такой минутой, она, конечно, не была бы обезьяной.

Но довольно сказать, что она воспользовалась случаемъ, и уже по тому, какъ она взялась за дѣло, было очевидно, что послѣдній часъ ея былъ недалекъ. Она начала съ попугая, котораго выкрасила въ красный цвѣтъ—вермиліонъ; потомъ она весело провела кистью по только-что покрытой лакомъ столярной работѣ; потомъ выпачкала всѣ мачты и паруса, замазала надписи на спасательныхъ

лодкахъ и затѣяла довольно удачное предпріятіе, опрокидывая горшокъ красокъ на капитанскій лучшій мундиръ, повѣшенный на солнцѣ для того, чтобы расправились его складки.

Я задергиваю занавѣсъ передъ тѣмъ, что случилось на «Вулканѣ» въ продолженіе слѣдующей четверти часа. Ни разу еще не было такого полного сборища экипажа корабля съ тѣхъ поръ, какъ онъ оставилъ портъ.

Когда вышелъ капитанъ, наступило гробовое молчаніе.

Я не буду повторять словъ капитана и не буду стараться сравнивать его голосъ съ чѣмъ-нибудь земнымъ. Всѣмъ людямъ онъ командовалъ по мѣстамъ, но я долженъ засвидѣтельствовать, — капитанъ, къ большой чести своей, оставался вѣренъ своему обѣщанію въ этотъ ужасный часъ.

— Берегъ виднѣнъ?—заревѣлъ онъ, обращаясь къ штурману.

— Да, да,—отвѣтилъ штурманъ,—слѣва отъ корабля виднѣтся..

— Тогда причаливайте къ нему,—скомандовалъ капитанъ.

Въ эту ночь корабль подошелъ къ маленькому острову у сѣвернаго берега Шотландіи, и съ «Вулкана» была торжественно отправлена на берегъ маленькая лодка.

Послѣ этого никто уже изъ экипажа «Вулкана» не видалъ Шельмы на кораблѣ.

Глава III.

Островокъ, на который капитанъ корабля «Вулкана» выселилъ обезьянку Шельму, былъ обозначенъ на картѣ «необитаемымъ».

Но карта ошибалась.

Десять лѣтъ до этого уже явился сюда пастухъ и жилъ здѣсь со своей женой и семействомъ на краю большой морской скалы.

Вы можете судить о впечатлѣннн, какое произвела своимъ появленіемъ настоящая, живая обезьяна раннимъ утромъ въ этомъ уединенномъ мѣстечкѣ.

Пастухъ мирно стерегъ своихъ овецъ, когда появилось видѣніе, выросшее точно изъ земли. Онъ никогда не видалъ раньше обезьянъ, не видали ихъ и овцы; поэтому и овцы и пастухъ шарахнулись отъ нея, какъ отъ чумы.

Шельма, конечно, пустилась за двуногимъ животнымъ, потому что она привыкла къ человѣческому обществу. И, когда пастухъ уже подбѣгалъ къ своей хатѣ, онъ увидѣлъ, что обезьяна слѣдовала за нимъ по пятамъ. Тогда

онъ бросился въ открытую дверь избы и захлопнулъ ее за собой съ такой силой, что вся хата чуть не завалилась. Но бѣглець только-что заперся внутри, какъ почувствовалъ, что кто-то схватилъ его сзади. Казалось, чья-то могучая рука тащила его назадъ, и онъ повалился тогда на землю и заревѣлъ отъ ужаса. Случилось же то, что свободный конецъ его плаща защемился въ двери въ то время, какъ самъ онъ былъ увѣренъ, что злой духъ держалъ его въ своихъ когтяхъ.

Кое-какъ, перепуганная жена пастуха успокоила его, сказавъ, что въ дверяхъ никого не было. Добрая женщина подняла своего мужа и отряхнула его; и когда онъ былъ въ состояннн говорить, онъ разсказалъ ей дрожащимъ голосомъ объ ужасномъ чудовищѣ, которое явилось на островкѣ, чтобы погубить ихъ всѣхъ. Онъ только-что выговорилъ слово «чудовище», какъ послышался шумъ въ трубѣ и само чудовище явилось передъ ними и спокойно усѣлось на столѣ.

— Это маргышка, — закричала жена пастуха (она видала раньше обезьянъ) и принялась изо всѣхъ силъ колотить Шельму палкой по спинѣ. Пока она это дѣлала, она замѣтила, что у животного вокругъ шеи былъ завязанъ конецъ стараго морского каната, а

къ нему привязанъ еще кусочекъ бумажки. Она развернула бумажку и прочла пять словъ, начерченныхъ на ней торопливой рукой:

Не повѣсишь ее,

Не утопишь.

Это открытіе еще болѣе испугало пастуха.

«Не повѣсишь ее, не утопишь», — повторилъ онъ про себя въ ужасѣ.

— Ну, посмотримъ тогда, можетъ быть, можно ее застрѣлить, — проговорилъ онъ и пошелъ за своимъ ружьемъ подъ печкой. Этимъ ружьемъ онъ стрѣлялъ кроликовъ.

И, пока онъ заряжалъ его, женѣ его казалось, что весь порохъ и вся дробь, что были у нихъ дома, были засыпаны въ ружейный стволъ. Тогда пастухова жена стала просить мужа пощадить Шельмину жизнь. И ей показалось, что это ей почти удалось, потому, что пастухъ пересталъ цѣлиться въ обезьяну, опустилъ ружье и остановился на минуту въ раздумьѣ.

Но онъ не стрѣлялъ не потому, что жена его просила объ этомъ. Отчасти это было потому, что у него руки слишкомъ тряслись для того, чтобы цѣлиться вѣрно, отчасти потому, что онъ былъ слишкомъ большимъ охотникомъ, чтобы тотчасъ застрѣлить си-

дѣвшаго смирно и неподвижно, на его же собственномъ обѣденномъ столѣ, звѣрочка; но главной причиной была та, что пастухъ боялся застрѣлить своего ребенка, люлька котораго стояла какъ разъ за Шельмой. Тогда онъ брыкнулъ ногой въ столъ, чтобы столкнуть съ него обезьяну; онъ предполагалъ, что она пустится за дверь, и тамъ онъ живо ее застрѣлитъ.

Но у обезьянки были другіе планы. Дѣло было въ томъ, что ей хотѣлось ѣсть; и такъ какъ каша, приготовленная дѣтямъ, была близко, она запустила въ нее лапу и начала завтракать.

Пастухъ былъ слишкомъ изумленъ этимъ, чтобы успѣть во-время вмѣшаться въ дѣло, и, только когда Шельма пролила молочный горшокъ на ребенка, онъ рѣшительно приступилъ къ исполненію своего долга по отношенію къ своей семьѣ.

Онъ еще разъ приложилъ свое ружье къ плечу и, выждавъ минуту, когда Шельма оказалась какъ разъ противъ двери, нацѣлился прямо ей въ сердце и потянулъ за собачку курка. Теперь, въ слѣдующую секунду обезьяна должна была бы разлетѣться въ мелкіе кусочки по всему склону горы. Оказалось же, что она вскочила на столъ, изображая

ложкой шелканье ружья. Въ первый разъ за всю его жизнь ржавый замокъ ружья осѣкнулся у пастуха и, совершенно растерянный теперь, онъ былъ, болѣе чѣмъ когда-либо, убѣжденъ въ томъ, что онъ имѣетъ дѣло съ какой-нибудь вѣдьмой.

— Не застрѣлишь ее,—промычалъ онъ,— ни повѣсишь, ни утопишь. Я попробовалъ первое, попробую самъ еще и второе.

И такъ какъ онъ слишкомъ вѣрилъ въ предразсудки, чтобы стрѣлять въ обезьяну во второй разъ, онъ пошелъ вѣшать ее. Но на островѣ не было деревьевъ. Весь день проискалъ пастухъ мѣсто, на которомъ онъ могъ бы повѣсить Шельму, но напрасно.

Всю эту ночь онъ пролежалъ, думая часъ за часомъ о томъ, какъ онъ повѣситъ ее, и только рано поутру ему пришло свыше внушеніе,—онъ попробуетъ повѣсить ее на ручкѣ насоса колодца.

Утромъ онъ всталъ, потихоньку пошелъ къ колодцу и укрѣпилъ ручку его высоко въ воздухѣ, такъ что она торчала, какъ висѣлица. Взявъ съ собой Шельму, онъ заставилъ ее вскочить на верхъ насоса, завязалъ веревку вокругъ ея шеи,—и все было готово.

Пастухъ слышалъ, что когда вѣшаютъ, важно сразу перервать шею жертвы неожидан-

нымъ и сильнымъ движеніемъ при паденіи ея въ петлю; но такъ какъ онъ не могъ устроить довольно высокаго паденія для Шельмы, то онъ рѣшилъ повести дѣло иначе. Онъ собралъ всѣ свои силы и страшнымъ взмахомъ рукъ пустилъ Шельму въ пространство.

Конечно, вы уже знаете, что случилось.

Веревка,—она была совсѣмъ гнилая,—оборвалась, и Шельма, упавъ на свои четыре ноги на землю, стала улыбаться на своего палача, точно желая, чтобы все удовольствіе повторилось сначала.

Весь этотъ день овцы и ягнята острова были совершенно оставлены на произволь судьбы. Весь этотъ день вы могли бы видѣть пастуха, сидѣвшаго на краю болота и заплетавшаго что-то руками. Кругомъ него все пространство было усыпано тростникомъ, въ связкахъ и въ разбросъ. Онъ выбиралъ только самый прочный тростникъ, откидывая тотъ, что былъ похуже. И пока онъ плелъ и путалъ, и вязалъ, и примѣривалъ, злой огонь горѣлъ въ его глазахъ, и гроза отражалась на всемъ его лицѣ.

На зарѣ слѣдующаго дня пастухъ и обезьяна во второй разъ образовали процессію и отправились къ старому колодцу. На новой веревкѣ можно бы было повѣсить слона. Она

была толста, какъ змѣя, и пастухъ цѣлый часъ прикрѣплялъ ее узломъ къ столбамъ.

И вотъ роковая минута настала.

Съ еще большимъ размахомъ, чѣмъ въ первый разъ, обезьяна была брошена въ воздухъ, и веревка осталась и держала теперь, какъ корабельный канатъ. Но палачъ опять не все расчелъ и предвидѣлъ. Веревка и паденіе были хороши, но столбы колодца почувствовали толчекъ, ручка насоса отломилась, какъ спичка, и старый покрытый мохомъ желобъ раза два пошатнулся и упалъ на землю, расколонный на куски. Зубчатые и иглоподобныя щепки его въ ту же минуту оцарапали и укололи ноги пастуха, разорвавъ его нижнее платье и заставивъ его заплясать отъ бѣшенства и боли. И что потомъ еще больше взбѣсило его, это видъ Шельмы. Это вѣчно веселое животное неслось теперь подъ гору прямо къ тому мѣсту, гдѣ паслись овцы.

Ручка отъ насоса колодца все еще была привязана къ ея шеѣ, и она трещала теперь по камнямъ такимъ трескомъ, отъ котораго все стадо овецъ могло бы унести въ море.

Пастухъ зналъ, что будетъ катастрофа, но онъ былъ уже не въ силахъ предотвратить ее. Преслѣдовать обезьяну онъ не могъ

отъ боли, и поэтому тихонько захромалъ домой, чтобъ успокоить свой гнѣвъ и полѣчить свои раны.

Глава IV.

Цѣлыхъ три дня послѣ того, какъ пастухъ вѣшалъ обезьяну, она не приближалась къ его хатѣ. У обезьянъ есть чувство. Быть повѣшенной уже очень неприятно, но имѣть вокругъ шеи веревку и ручку отъ насоса, привязанную къ ней,—это не всякое, сознающее свое достоинство, животное можетъ перенести.

Поэтому Шельма отдалась исключительно овцамъ. Въ продолженіе трехъ дней, съ неизбежной помощью ручки насоса, Шельма стерегла овечье стадо. Ни одинъ листокъ травы не былъ съѣденъ овцами за это время; стадо въ испугѣ день и ночь толпилось на одномъ мѣстѣ. Ягнята попадали отъ голода. Старыя овцы шатались отъ усталости. Все стадо было совершенно сбито съ толку. И когда время террора прошло, на островкѣ не оставалось ни фунта хорошей баранины.

Почему же пастухъ не вмѣшивался въ это дѣло?

А потому, что, какъ мы увидимъ, въ эти три дня у него была болѣе необходимая работа

Когда, въ то несчастное утро, жена пастуха пошла къ колодцу за водой для варки каши, она нашла его въ кучѣ развалинъ. Она вернулась домой и передала это извѣстіе пастуху, сказавъ, что въ колодезь, вѣроятно, ударила молнія. Пастухъ благоразумно смолчалъ, но сейчасъ же отправился изслѣдовать мѣсто разрушенія еще разъ. Положеніе оказалось хуже, чѣмъ онъ думалъ. Колодезные насосы, вѣдь, должны держаться однимъ концомъ въ водѣ, другимъ въ воздухѣ; а насосъ пастуха былъ расколонъ на двѣнадцать частей. Поэтому не было воды ни для питья, ни для варки каши на островѣ, пока желобъ былъ сломанъ. Поэтому весь этотъ день пастухъ чинилъ, колотилъ, клеилъ и связывалъ. На другой день онъ дѣлалъ то же самое. Ему нечего было ни ѣсть, ни пить; никто на островкѣ ничего не ѣлъ и не пилъ эти дни. Бѣдныя дѣти пастуха были живы одной только чашкой молока, нечаянно оставшейся въ домѣ, но ее допили, и дѣти кричали теперь отъ голода. Положительно, если бы еще нѣсколько дней продолжались голодь и жажда, то островокъ бы пришелъ въ состояніе необитаемости, какъ значилось на картѣ. Только на утро четвертаго дня насосъ колодца былъ вновь устроенъ и со-

единенъ съ водой. Но одного не хватило — это ручки къ нему. Оставалось поймать Шельму, потому что на островкѣ не было ничего другого, что могло бы послужить къ колодцу ручкой.

Но къ этому времени, какъ разъ, уже не пришлось ловить Шельмы. Въ эту самую минуту она сидѣла на порогѣ хаты, поглядывая на тѣхъ, кто окружалъ колодезь.

Пастухъ бросился къ ней, но увы, — то, чего онъ искалъ, уже больше не было на обезьянѣ. Кусокъ обтрепанной веревки одинъ мотался на ея шеѣ, но ручки насоса не было. Еще два дня пастухъ положилъ на ея розыски.

Каждая пядь островка была старательно обыскана. Даже ребенокъ, старше того, что былъ въ люлькѣ, присоединился къ розыскамъ. День и ночь они искали, и, наконецъ, ручка насоса была найдена пастуховой женой въ кроликовой норѣ.

Во все это время ни у кого не было досуга думать о Шельмѣ, но на седьмой день пастухъ всталъ поутру съ приговоромъ на ея смерть, написанномъ на его бровяхъ. Обезьяну нельзя было застрѣлить и нельзя было повѣсить; оставалось посмотрѣть, правда ли было то, что ее нельзя было утопить.

И вотъ, онъ привязалъ большой камень

къ шеѣ обезьяны и понесъ ее на край морской скалы. На сто футовъ внизу ея лежало море, тихое, какъ зеркало, и пастухъ, выбирая самое глубокое мѣсто, видѣлъ длинные концы морскихъ растеній, видѣлъ рыбокъ и анемоны, лежавшіе неподвижно въ прозрачныхъ водахъ. Потомъ онъ взялъ обезьяну и камень въ свои большія руки, торопливо освидѣтельствовалъ узлы веревки и неожиданнымъ размахомъ бросилъ все это со скалы.

Пастухъ охотно бы избавился отъ этой сцены, но онъ не смѣлъ. Онъ не вѣрилъ обезьянѣ и долгомъ своимъ, по отношенію къ себѣ самому и своей семьѣ, считалъ добиться прочной увѣренности въ обезьянней смерти. Поэтому онъ заглянулъ за скалу и увидѣлъ самъ паденіе обезьяны въ воду и дождался, пока снова не исчезли всѣ складки на поверхности моря и пока снова не показалось морское дно, видное глазу съ каждой своей раковиной. И тамъ на днѣ сидѣла Шельма среди звѣздъ-рыбокъ, крѣпко привязанная къ своему могильному камню съ концомъ хорошей веревки, державшей ее, какъ тяжелая цѣпь.

Тогда пастухъ поднялся и вздохнулъ полной грудью въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ обезьяна попала на островъ.

Онъ тихонько пошелъ домой и рассказалъ исторію конца Шельмы.

Еще до полуночи Шельма вернулась къ нему въ хату.

Конечно, вы знали, что Шельма вернется. Вы знали, что веревка оборвется, или соскользнетъ съ камня, или будетъ перегрызена большой рыбой, или что-нибудь такое,— и, хотя ничего изъ всего этого не случилось, Шельма все-таки и дѣйствительно вернулась къ пастуху въ этотъ вечеръ, еще до полуночи. Можетъ быть, лучше было бы сказать, Шельма ввалилась въ домъ потому, что она, по обыкновенію, явилась черезъ трубу.

Но какими судьбами это странное существо, на самомъ дѣлѣ, избѣжало своей водяной могилы, объ этомъ надо рассказать въ отдѣльной главѣ.

Глава V.

Если бы пастухъ остался еще на краю скалы и заглянулъ бы въ море, онъ могъ бы быть свидѣтелемъ необыкновеннаго случая.

Всякій школьникъ знаетъ, что камень въ водѣ легче, чѣмъ въ воздухѣ.

Какъ знала объ этомъ обезьяна и знала ли она объ этомъ—невозможно сказать, но дѣйствія ея, право, были дѣйствіями фило-

софа. Потому что, вмѣсто того, чтобы покориться судьбѣ, она нагнулась, схватила камень, державшій ее въ водяной могилѣ, подняла его на руки и спокойно отправилась съ нимъ по дну морскому, направляясь къ берегу. Съ величайшимъ усиленіемъ она, наконецъ, положила камень на, половину покрытую водой, отмель; но теперь, когда камень былъ на половину внѣ воды, онъ снова сталъ слишкомъ тяжелъ для того, чтобы Шельма могла поднять его, и она поэтому лежала на мели, не зная, какъ ей выйти изъ новаго затрудненія. Ничего не оставалось, какъ зубами начать грызть веревку, и цѣлый часъ Шельма грызла крѣпкія бечевы, но почти безъ всякаго успѣха. Послѣ второго часа работы она сдѣлала странное открытіе. Когда она начала работу, вода стояла по ея колѣна; теперь, къ ужасу ея, вода достигла поясницы. Въ короткое время вода, конечно, достигнетъ ея шеи, и тогда было ясно, что Шельма будетъ мертвой обезьяной.

Шельма предполагала, что она знаетъ все о морѣ, но въ прежнемъ морѣ, у котораго она жила съ миссіонеромъ, не было приливовъ и отливовъ, и это тихое подползаніе воды теперь сильно нарушило спокойствіе Шельминой души.

Но, къ великой своей радости, она открыла, что камень, весь скрытый водой, теперь стало снова легче поднять, и она перекатила его по отмели до тѣхъ поръ, пока вода снова не стала слишкомъ мелкой для того, чтобы продолжать его перекачивать. Какъ разъ надъ этимъ мѣстомъ былъ другой берегъ, довольно высокій и сухой, уже внѣ прилива моря, и конецъ веревки былъ какъ разъ довольно длиненъ для того, чтобы позволить обезьянѣ вскочить на этотъ сухой берегъ и тамъ на солнышкѣ досуха отряхнуться. Процессъ отряханія внушилъ ей тогда довольно простое соображеніе для насъ съ вами, но настоящее открытіе для обезьяны.

Шельма замѣтила, что то самое мѣсто веревки, которое она перегрызала, касалось теперь остраго края каменнаго берега, и одна изъ бечевокъ, составлявшихъ веревку, оборвалась, пока она отряхивалась. Каменный край берега былъ остеръ, какъ настоящей ножикъ, и вотъ, послѣ долгаго тренія о него и многихъ передышекъ, Шельма очутилась свободной уже отъ трехъ или четырехъ бечевокъ. Была полночь, когда она перетерла, наконецъ, послѣднюю бечевку, и тогда въ нѣсколько минутъ она вскарабкалась на вершину скалы и очутилась у двери хаты своего палача.

Я боюсь, что вы будете одинаково удивлены, какъ была удивлена и Шельма при страшномъ открытіи, какое она сдѣлала, добравшись туда. Хатка была вся въ огнѣ!

Четыре дня, какъ вы помните, не было пищи въ домѣ пастуха. Но въ этотъ день семья отпраздновала починку колодца большимъ пиромъ и большой чисткой. Такой огонь былъ зажженъ въ печи, какого не зажигали много лѣтъ, и, когда стемнѣло, красныя искры полетѣли въ воздухъ и упали въ щели соломенной крыши. Къ тому же вѣтеръ поднялся къ полуночи и раздулъ тлѣвшія искорки въ огонь; и когда Шельма явилась къ хатѣ, половина крыши была уже въ пламени.

Но Шельма была голодна послѣ событій дня, и такъ какъ конецъ крыши, гдѣ была труба, еще не былъ объятъ огнемъ, она вскочила на крышу и черезъ трубу проскочила внизъ въ кухню.

Дѣтская люлька, какъ всегда, стояла подлѣ печки, и обезьяна, проходя мимо нея, вѣроятно, толкнула ее хвостомъ, потому что ребенокъ вдругъ разразился страшнымъ ревомъ, который наполнилъ всю хату и неожиданно разбудилъ пастуха. Онъ былъ разбуженъ только во-время.

Если бы обезьяна явилась пятью мину-

тами позднѣе, вся семья должна была бы погибнуть; дымъ отъ пожара уже наполнилъ другую комнату и валилъ клубами черезъ кухонную дверь.

Бросивъ одинъ только грозный взглядъ на ночного сторожа, разбудившаго его такъ кстати и занимавшаго теперь свое обычное мѣсто на обѣденномъ столѣ, и громко чихавшаго отъ дыма и раздумывавшаго о томъ, не лучше ли было бы утонуть въ морѣ, чѣмъ сгорѣть здѣсь живьемъ, пастухъ бросился къ двумъ своимъ старшимъ дѣтямъ, которыя крѣпко спали въ горѣвшей рядомъ комнатѣ за дверью. Схвативъ ихъ на руки, онъ благополучно вынесъ ихъ на открытый воздухъ и потомъ вернулся за женой и остальными дѣтьми.

Шельма слѣдовала за ними по пятамъ; въ слѣдующую за этимъ минуту спасенная семья уже стояла на дворѣ, дрожа отъ ужаса и безпомощно глядя на пламя.

Крыша скоро обвалилась, и на слѣдующее утро отъ хаты пастуха оставались лишь обуглившіяся головешки.

Прошло нѣсколько лѣтъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ стояла хата пастуха, теперь стоитъ прекрасный маякъ. Онъ былъ выстроенъ здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ послѣ пожара, и однимъ

изъ трехъ сторожей на маякѣ живетъ бывшій пастухъ.

Вторымъ сторожемъ здѣсь человекъ, любящій рассказывать сказки про море и о томъ, какъ онъ служилъ встарину въ экипажѣ корабля, котораго звали «Вулканомъ».

Третій сторожъ маяка—это четвероногое животное, по имени Шельма.

Дружба между этимъ животнымъ и бывшимъ пастухомъ необыкновенная. Другіе люди думаютъ, что тутъ есть какая-нибудь исторія, соединенная съ ихъ прошлымъ, но пастухъ никогда не разговариваетъ много.

Когда его спрашиваютъ, правда ли, что невозможно убить обезьяну, онъ отвѣчаетъ: «да, но она не поэтому все-таки жива».

Только разъ пастухъ, какъ говорили, прибавилъ нѣсколько словъ къ своему краткому замѣчанію. Это было въ тотъ разъ, когда Шельма спасла пастухова ребенка, только-что выучившагося ползать. Ребенокъ подползъ къ краю морской скалы и непременно свалился бы съ нея въ море, если бы обезьяна не удержала его сзади руками.

Рассказывая это, пастухъ улыбнулся и, бросивъ Шельмѣ цѣлый мѣшокъ орѣховъ, сказалъ: «эту обезьяну не убьешь, но и она другимъ не даетъ убиваться».

II.

П і я в ц а.

Глава I.

Навѣрное вы думаете, что обезьяна, о которой я рассказывалъ вамъ въ прошломъ рассказѣ, умерла. Я же предполагаю, что она все еще жива. Во всякомъ случаѣ, я почти увѣренъ въ томъ, что я буду рассказывать вамъ про ту же самую обезьяну.

Эта новая обезьяна очень похожа на Шельму, и это опять такая обезьяна, которую нельзя было убить. А я никогда не слышалъ о безсмертныхъ обезьянахъ, кромѣ развѣ объ одной такой, то-есть о Шельмѣ.

Еще другая причина заставляетъ меня предполагать, что это та же самая обезьяна.

Шельма исчезла съ острова, гдѣ мы ее видѣли въ послѣдній разъ.

Никто не знаетъ, какъ это случилось, хотя и произошло въ то время одно обстоятельство, о которомъ надо прежде всего рассказать.

Разъ утромъ къ острову, гдѣ жила Шельма со сторожами маяка, причалила лодка, чтобы заpastись прѣсной водой. Сторожъ маяка былъ ласковъ съ людьми, приплывшими на лодкѣ, потому что они были чужестранцами; онъ водилъ ихъ всюду вокругъ островка, все показывая и разъясняя, и, когда они взошли на самый верхъ лѣстницы, они нашли тамъ обезьяну, сидѣвшую совсѣмъ какъ человѣческое существо и чистившую ламповыя стекла.

Матросы были очень удивлены видомъ этой обезьяны и одинъ изъ нихъ, который зналъ немножко по-англійски, хотѣлъ купить себѣ Шельму за два фунта.

Когда сторожъ это услышалъ, онъ очень разсердился и сейчасъ же велѣлъ всѣмъ матросамъ сходить внизъ съ лѣстницы маяка и убираться вонъ. Это разсердило матросовъ. Они не знали, почему сторожъ такъ любилъ обезьяну и почему онъ разозлился на нихъ, и сказали ему, что не забудутъ того, какъ грубо онъ съ ними обошелся.

Конечно, грубости тутъ никакой особенной не было; но чужеземные матросы часто бываютъ черезъ мѣру вспыльчивыми, а эти люди приплыли какъ разъ изъ страны, гдѣ люди особенно чувствительны къ оскорбленіямъ.

Матросы пробыли на островкѣ цѣлый день, потому что дулъ противный имъ вѣтеръ съ моря, но никто уже не видѣлъ ихъ больше на маякѣ.

На другое утро сторожъ маяка разглядѣлъ, только далеко на морскомъ горизонтѣ, нырявшій въ волнахъ бѣлый парусъ ихъ лодки.

И въ то же утро съ маяка исчезла обезьяна.

Проискавъ ее день и ночь, и потомъ въ продолженіе цѣлой недѣли, сторожъ не нашелъ даже ея слѣдовъ.

Глава II.

Господинъ Дональдъ Малшъ, золотоискатель изъ «Серебрянаго Крика» въ Калифорніи, случайно находясь въ Санъ-Франциско, прочелъ въ одно утро слѣдующую замѣтку въ «Герольдѣ Санъ-Франциско»:

— «Любопытная исторія изъ морской жизни». — Капитанъ Даукингъ съ Мармеда, корабля, только-что вошедшаго въ гавань изъ Ливерпуля, доноситъ о замѣчательномъ случаѣ. Уже въ десятидневномъ разстояніи отъ дома, штурманъ замѣтилъ что-то въ морѣ, что онъ призналъ сперва за громадную морскую змѣю, но оказалось, послѣ дальнѣйшаго изслѣдованія, остатками кораблекрушенія. Когда корабль приблизился къ мѣсту,

онъ ясно различилъ фигуру мальчика, державшуюся за остатокъ сломанной мачты и, очевидно, еще живую.

Небольшая лодка была сейчасъ же спущена на море, а экипажъ корабля тѣмъ временемъ давалъ сигналы мальчику въ томъ, что онъ теперь будетъ спасенъ. Послѣ получаса времени лодка возвратилась съ необыкновеннымъ открытіемъ, что фигура, которую видѣли на мачтѣ, была фигура не мальчика, а обезьяны. Поиски за погибшими людьми среди остатковъ корабля признаны бесполезными; думаютъ, что произошло серьезное несчастіе. Единственнымъ ключомъ къ открытію національности корабля, который, очевидно, сталъ жертвой ужаснаго случая, служатъ буквы «ворни» на кускѣ, очевидно, бывшей на кораблѣ, спасательной лодки. Возможно, что эти буквы служатъ остатками слова «Ливорни», итальянскаго слова для Ливорно, и списокъ послѣднихъ кораблей, вышедшихъ изъ этого порта, теперь разсматривается съ тревогой».

Что особенно заинтересовало Дональда, «Большого Дональда»,— какъ его называли,— въ этой исторіи, не была обезьяна, но прибытіе «Мермеда». Капитанъ этого корабля

былъ его другомъ и везъ ему изъ дома инструментовъ.

Хотя «Большой Дональдъ» былъ теперь золотоискателемъ, онъ вышелъ изъ Шотландіи совсѣмъ юнцомъ. Его отецъ былъ фермеромъ въ Скеѣ и, когда онъ молодымъ умеръ, семья его переселилась въ Америку. Такъ какъ Дональдъ явился въ Санъ-Франциско съ этими инструментами, онъ скоро нашелъ дорогу на пристань и, найдя «Мермеда», взошелъ на его палубу. Но тутъ никого не было видно. Тогда Дональдъ сѣлъ на связку веревки и сталъ ждать. Онъ не прождалъ здѣсь и пяти минутъ, какъ шершавая голова и два блестящихъ глаза вдругъ явились передъ нимъ и какая-то обезьяна, пожилая на видъ, стала смотрѣть ему прямо въ лицо. Дональдъ, очень удивленный этимъ явленіемъ, закричалъ громкимъ голосомъ на обезьяну, прогоняя ее; но не успѣлъ онъ выговорить слова, какъ обезьяна вдругъ вскочила ему на спину и обвила его шею своими длинными волосатыми руками.

Рабочій въ ужасѣ стряхнулъ ее съ себя на берегъ, но обезьяна послѣдовала за нимъ, прыгая и рѣзвясь вокругъ него и провожая его вдоль всей набережной.

Дональдъ, однако, скоро увидѣлъ, что обезь-

яна не желала ему зла, и нѣсколько дней послѣ этого, объясненіе къ этому взрыву вниманія къ чужому человѣку, — капитанъ сказалъ Дональду, что обезьяна никогда раньше такъ не вела себя, — неожиданно пришло въ голову золотоискателю. Онъ вспомнилъ, что когда онъ говорилъ съ обезьяной, онъ обратился къ ней на своемъ мѣстномъ нарѣчій. Вѣроятно, вслѣдствіе неожиданнаго испуга, языкъ, на которомъ онъ говорилъ съ дѣтства, пришелъ ему на память и слова явились ему безсознательно, «имикъ эръ фальбъ», — сказалъ онъ, — это значило: «пошла вонъ».

Дональдъ вспомнилъ объ этомъ потому, что каждый разъ потомъ, какъ онъ употреблялъ нарѣчіе «горной страны», обезьяна обнаруживала особенные признаки радости.

И единственное объясненіе всему этому онъ находилъ въ томъ предположеніи, что такъ или иначе когда-нибудь и гдѣ-нибудь раньше обезьяна, вѣроятно, принадлежала человѣку, говорившему на томъ же горномъ нарѣчій. Надъ этимъ предположеніемъ, однако, обыкновенно всѣ смѣялись. Тѣмъ не менѣе Дональдъ всегда доказывалъ, что обезьяна дѣйствительно знала гелическое нарѣчіе, и онъ рѣдко говорилъ съ ней на другомъ языкѣ. Конечно, народъ на это говорилъ,

что онъ дѣлалъ это только для того, чтобы похвастать знаніемъ двухъ языковъ.

Не знаю, купилъ ли себѣ золотоискатель обезьяну, или капитанъ корабля подарилъ ее ему, или, можетъ быть, она сама убѣждала съ нимъ, — мнѣ извѣстно только то, что съ этого часа она принадлежала Дональду.

Когда онъ покинулъ корабль со своими инструментами, обезьяна послѣдовала за нимъ, поспѣвая сзади, какъ собачка, до самаго его дома. Дональдъ вошелъ въ свою хату и закрылъ за собой дверь, оставляя обезьяну наружи. Но тогда, въ какія-нибудь десять минутъ, мальчишки, точно со всего Санъ-Франциско, собрались на улицѣ, толпой окруживъ обезьяну передъ дверью дома Дональда. Ихъ собралось столько, что они запрудили собой движеніе экипажей на улицѣ. Тогда явился полицейскій, но онъ былъ довольно разочарованъ, узнавъ, что всему виной была обезьяна, дѣлавшая гимнастическія движенія на ручкѣ двери. Сильно позвонивъ въ звонокъ, городской приказалъ Дональду убрать въ домъ обезьяну. Дональдъ возразилъ на это, что онъ не отвѣтствененъ за обезьяну, но полицейскій сказалъ, что онъ привлечетъ его къ отвѣту за «нарушеніе общественной тишины и спокойствія»,

если онъ сію же минуту не уберетъ своего гостя.

И Дональдъ долженъ былъ покориться, видя, что въ Санъ-Франциско не будетъ спокойно, пока своенравное существо не добьется своего желанія и не будетъ впущено въ комнату.

Въ этотъ вечеръ Дональдъ имѣлъ серьезный разговоръ съ обезьяной, пока она сидѣла на его стулѣ за ужиномъ. Онъ сказалъ ей, что если она будетъ хорошо вести себя, то онъ возьметъ ее съ собой на золотые прииски въ Скалистыя горы. Обезьяна, по видимому, поняла, что ей говорили, потому что она бросила кусокъ сыра, который приготовилась ѣсть, соскочила со стула и сѣла на полу подлѣ хозяина.

Только одна вещь еще случилась въ эту ночь: Дональдъ далъ обезьянѣ имя, назвавъ ее «Піявкой» за то, что она такъ прилипла къ нему.

Глава III.

На слѣдующее утро Дональдъ и Піявка отправились изъ Санъ-Франциско съ раннимъ поѣздомъ, по направленію къ «Серебряному Крику». Присутствіе обезьяны въ вагонѣ желѣзной дороги вызвало шутки

среди пассажировъ и Дональдъ долженъ былъ выдержать цѣлый потокъ вопросовъ, состоявшихъ въ томъ, принадлежала ли обезьяна его прадѣду или шарманщику. Шутки были пріостановлены на время входомъ кондуктора, спросившаго билетъ Піявки, но когда оказалось, что у Піявки не было билета, сердитый споръ поднялся изъ-за нея. Дональдъ рѣшительно сказалъ, что онъ не заплатитъ за обезьяну, пока кондукторъ не покажетъ ему напечатанныхъ въ официальныхъ книгахъ правилъ путешествій обезьянъ по желѣзнымъ дорогамъ. Когда въ этихъ книгахъ такихъ правилъ не оказалось, Дональдъ согласился заплатить за Піявку центъ; но кондукторъ отъ этого отказался, обѣщая выбросить обезьяну на слѣдующей станціи вонъ изъ поѣзда. Пока они ѣхали до слѣдующей станціи, Дональдъ забился съ обезьяной въ уголъ, крѣпко зажавъ ее въ свои большія объятія; кондукторъ, взглянувъ на эту группу, не рѣшился тревожить ее и сталъ ждать болѣе подходящей минуты.

Въ Америкѣ кондуктора, вмѣсто того, чтобы входить въ вагоны, только когда они останавливаются, ходятъ по поѣзду изъ одного вагона въ другой, такъ что этотъ кондукторъ былъ увѣренъ, что онъ еще добьется

своего въ дѣлѣ съ Дональдомъ, потому что станція «Серебряный Крикъ» была еще въ 8-ми-часовомъ разстояніи отсюда.

И дѣйствительно часъ расплаты за обезьяну наконецъ насталъ.

Быль страшно жаркій день, даже для Калифорніи, и поздно уже послѣ полудня Дональдъ заснулъ. Руки его продолжали держать въ объятіяхъ обезьяну и кондукторъ никогда бы не вспомнилъ своего намѣренія, кабы не помогъ ему случай. Въ это самое время поѣздъ подходилъ къ концу пути и часть каждаго билета должна была быть здѣсь отдана. Въ Америкѣ желѣзнодорожные билеты часто бываютъ длиною въ поларшина и кусочки ихъ должны отрываться отъ нихъ на станціяхъ. Чтобъ избѣжать безпокойства, производимаго этой операціей, рудокопы, пастухи, чернорабочіе и другіе люди, носящіе широкополыя шляпы, обыкновенно прячутъ за ихъ ленты свои желѣзнодорожные билеты. И Дональдъ какъ разъ былъ въ этомъ соблазнительномъ положеніи съ билетомъ за лентой шляпы, когда кондукторъ подошелъ къ нему. Онъ уже схватилъ билетъ, чтобъ оторвать отъ него необходимый кусочекъ бумажки, какъ вдругъ обезьяна, думая, что кондукторъ укралъ что-

нибудь, бросилась на него и вонзила зубы въ кисть его руки. Заревѣвъ отъ боли, кондукторъ схватилъ своего обидчика за горло, и не успѣлъ Дональдъ придти къ ней на помощь, какъ обезьяна полетѣла въ окно.

Въ это время поѣздъ летѣлъ подъ гору со скоростью 30-ти миль въ часъ, и когда Дональдъ высунулся, чтобы посмотрѣть, жива ли обезьяна, ея нигдѣ уже не было видно. Минуты двѣ смотрѣлъ онъ на улетавшее сзади пространство, потомъ, не говоря ни слова, повернулся и однимъ махомъ сшибъ кондуктора съ ногъ на полъ.

Глава IV.

Когда, часъ спустя, поѣздъ подошелъ къ станціи, Дональдъ пошелъ въ буфетъ выпить чашку какао и уже готовился занять свое прежнее мѣсто въ вагонѣ, когда замѣтилъ толпу народа, собравшуюся у одной изъ платформъ вагоновъ въ самомъ концѣ поѣзда.

Пройдя къ мѣсту и смотря черезъ головы толпы, онъ, къ великому изумленію своему, увидѣлъ Пявку, сидѣвшую на буферахъ вагона и смотрѣвшую вокругъ себя съ полнымъ спокойствіемъ. Одной рукой она держала желѣзную цѣпь, а другой чесала себѣ

голову; кромѣ одного большого пятна черной земли на боку, она казалась вполнѣ не- вредимой послѣ происшествія.

Одно слово Дональда на гелическомъ нарѣчїи заставило обезьяну спрыгнуть съ своего мѣста и броситься черезъ головы народа прямо къ нему на руки. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого два друга уже мирно продолжали свой путь, какъ ни въ чемъ не бывало.

Теперь на поѣздѣ былъ новый кондукторъ и Дональдъ подружился съ нимъ, разсказаль ему всю происшедшую только-что исторію, такъ что они могли спокойно окончить этотъ день.

Около полуночи они оба вышли на узловой станціи, гдѣ провели ночь, а съ разсвѣтомъ выѣхали на лошадяхъ въ «Серебряный Крикъ». Отъ Серебрянаго же Крика надо было пройти тридцать миль черезъ горы пѣшкомъ, чтобы достигнуть дома Дональда.

Поэтому, только послѣ трудной ходьбы, въ продолженіе еще цѣлаго дня, они добрались до мѣста.

Глава V.

И вотъ, сдѣлавъ это длинное путешествіе черезъ горы, Дональдъ добрался нако-

нецъ до своей лачуги въ «Серебряномъ Крикѣ».

Обезьяна, однако, была принята женой Дональда не съ такой милостью, какъ имъ самимъ.

Единственнымъ домашнимъ животнымъ у нея дѣтей была маленькая пума, которую Дональдъ разъ вытащилъ изъ ручья въ полу- живомъ состояніи. Онъ сначала принялъ ее за котенка какой-нибудь новой породы и только нѣсколько недѣль послѣ этого, когда она набросилась на его дочку и вонзила свои когти ей въ шею, онъ понялъ, какого рода игрушку онъ принесъ въ свою семью.

Пума—это левъ Скалистыхъ горъ.

Такъ что жена Дональда относилась съ тѣхъ поръ подозрительно къ домашнимъ животнымъ и, увидавъ обезьяну, она была увѣрена, что это опять левъ и не хотѣла пустить его въ дверь.

Но у Піявки, кромѣ дверей, были другіе способы входить въ дома, и въ концѣ-концовъ она была принята въ семью Дональда законнымъ членомъ по той простой причинѣ, что ее нельзя было удержать наружи.

Новый гость доставлялъ мало безпокойства. Большую часть дня обезьяна проводила съ Дональдомъ на прїискахъ. Она уходила

съ нимъ по утрамъ на работу и къ ужину вмѣстѣ съ нимъ возвращалась домой.

Къ тому же очень скоро произошелъ случай, вполне помирившій жену Дональда съ ея страннымъ гостемъ.

Золотые прииски, на которыхъ работалъ Дональдъ, были изъ бѣдныхъ.

Ему приходилось усиленно работать для того, чтобы добывать довольно золотосодержащей пыли на хлѣбъ семьѣ, но онъ работалъ съ постоянной надеждой, что отыщетъ лучшее мѣсто и тогда составитъ свое состояніе. Онъ работалъ, собирая песокъ и булыжникъ съ берега рѣки и промывая его въ большомъ котлѣ до тѣхъ поръ, пока всѣ болѣе мелкія и легкія части не смывались вмѣстѣ съ водой, а золотыя блестки не падали на дно. Иногда недѣли проходили и Дональдъ добывалъ за это время всего какой-нибудь наперстокъ золота, только изрѣдка онъ находилъ кусочки съ маленькую горошину.

И вотъ однажды, только-что Дональдъ сталъ падать духомъ послѣ неудачной и трудной недѣльной работы, какъ крупная доля счастья свалилась ему неожиданно съ неба. Въ этотъ день онъ былъ особенно разочарованъ потому, что семья его уже была въ долгу за муку и платье. Но вотъ, благодаря

обезьянѣ, онъ могъ вернуться домой къ женѣ съ орѣшиной золота такой величины, какой уже много лѣтъ не видали въ долинѣ.

Піявка, возясь, по обыкновенію, въ кучахъ булыжника, нечаянно скатила съ нихъ нѣсколько свободныхъ камешковъ, толкнувъ ихъ лапами. Пока камешки эти катились, вниманіе обезьяны было привлечено желтымъ блескомъ одного изъ нихъ, побольше другихъ; въ одинъ мигъ она схватила его и, взмахнувъ хвостомъ, положила къ ногамъ своего хозяина.

Дональдъ почти зарыдалъ отъ радости, увидавъ золото, и, поднимая Піявку на руки, какъ ребенка, поспѣшилъ съ ней домой рассказать семьѣ о своемъ счастьѣ.

Въ эту ночь онъ устроилъ большой праздникъ и всѣ его домашніе пили здоровье Піявки самымъ крѣпкимъ чаемъ, какой только былъ на золотыхъ приискахъ.

Впрочемъ, если бы они знали о томъ, что должно было скоро случиться, они бы, вѣроятно, не спали такъ сладко въ ту ночь.

Глава VI.

На вторую уже ночь послѣ этого судьба Дональда измѣнила ему.

Жена его была такъ горда своей золотой орѣшиной, что она не могла не проболтаться про нее; и уже на слѣдующее утро, хотя Дональдъ строго приказалъ ей молчать, она сообщила о ихъ счастьѣ женѣ другого рабочаго, жившей въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ нея. Эта достойная женщина, въ свою очередь, передала извѣстіе еще другой такой же бабѣ, и въ 24 часа слава о золотой орѣшинѣ Дональда разнеслась по всей долинѣ.

Это извѣстіе ничего бы дурного не произвело во многихъ домахъ; но на золотыхъ пріискахъ всегда живутъ преступники и бродяги всякаго сорта и тутъ тоже нашлись люди, которые были настолько испорчены, что предпочитали добывать золото не работою, а другими способами.

Два такихъ человѣка,—братья между собой,—жившіе со своими семьями на нижнемъ концѣ долины, рѣшили завладѣть золотой орѣшиной Дональда. Надѣвъ на лица черныя маски и вооруженные револьверами, они около полуночи направились къ хатѣ Дональда.

Всѣ глубоко спали кругомъ, и воры, безшумно поднявъ окно, вошли въ комнату, гдѣ спалъ самъ Дональдъ. Направивъ заряженный револьверъ ему въ голову, одинъ изъ

разбойниковъ грубо разбудилъ его и объявилъ, что если онъ пошевелится или закричитъ, онъ сейчасъ же застрѣлитъ его и всю его семью. Дональдъ отлично зналъ о разныхъ исторіяхъ преступленій и теперь увидѣлъ, что онъ не въ силахъ защищаться отъ такого неожиданнаго нападенія. Хотя заряженный револьверъ лежалъ у него подъ подушкой, онъ, видя свое невыгодное положеніе и ради своей жены и дѣтей, подавилъ въ себѣ свой гнѣвъ съ большимъ усиліемъ.

— Мнѣ нуженъ этотъ вашъ маленькій кусочекъ металла, — сказалъ ему одинъ изъ разбойниковъ.

Дональдъ лежалъ совершенно спокойно.

— Слышишь? — закричалъ воръ, — давай мнѣ твое золото.

— Вы его не получите, — спокойно сказалъ Дональдъ.

— Вѣрно онъ отправилъ золото въ банкъ, — шепнулъ другой воръ, — убей его, коли такъ.

— Слушай, — опять сказалъ первый разбойникъ, — ты что говоришь, развѣ орѣшина исчезла отсюда?

Дональдъ не отвѣчалъ.

Если бы онъ отвѣтилъ, что орѣшины больше нѣтъ въ домѣ, разбойники бы просто

улизнули домой, но Дональдъ былъ извѣстенъ въ околоткѣ какъ человѣкъ, который никогда не лгалъ.

Еще разъ спросилъ его разбойникъ о золотѣ, и опять Дональдъ молчалъ.

Этого было довольно.

Конечно, если бы орѣшины не было въ домѣ, Дональдъ бы такъ и сказалъ. И вотъ, пока одинъ изъ воровъ стоялъ, держа револьверъ у уха Дональда, другой сталъ осматривать всю комнату. Ящики, коробки, шкапы были живо открыты и изслѣдованы одинъ за однимъ; всѣ уголки двухъ комнатъ были обысканы, даже тарелки на полкахъ были перевернуты, и сахарница разбита вдребезги для того, чтобы увидать, не спрятана ли въ ней золотая орѣшина, но ея нигдѣ не было.

— погоди, дай, я попробую, поищу, — сказалъ тогда воръ съ револьверомъ, — покараулъ стараго медвѣдя, а я поищу.

Еще разъ весь домъ былъ перешаренъ, и воръ уже хотѣлъ бросить свои поиски, какъ неожиданная мысль пришла ему на умъ.

На печкѣ висѣли старые американскіе часы, около двухъ футовъ вышиной. Воръ открылъ дверцу часового ящика и сталъ шарить въ немъ пальцемъ. Черезъ минуту онъ

вынулъ изъ него золотую орѣшину. Онъ перегнулся къ огню, чтобы лучше разсмотрѣть ее, и потомъ положилъ ее на ладонь руки, чтобы попробовать ея вѣсъ. Тогда второй разбойникъ былъ не въ силахъ удержать своего любопытства и тоже подошелъ къ огню. Но первый оттолкнулъ его прочь, сердито на него крикнувъ, и прогналъ его снова къ Дональду, чтобы караулить его. Еще одна минута — и Дональдъ вынулъ бы свой револьверъ, и тогда орѣшина была бы спасена. Но въ комнатѣ былъ еще одинъ свидѣтель всей этой сцены, на котораго воры не обратили вниманія. На своемъ обычномъ посту, подлѣ печки, сидѣла Піявка.

Разбойникъ же все еще взвѣшивалъ на ладони золото, перевертывая его всячески и и разглядывая.

Блескъ драгоцѣннаго металла тогда, вѣроятно, опять привлекъ вниманіе обезьяны. Она, почувствовавъ, должно-быть, нѣкоторое право собственности на орѣшину, съ быстротой молніи бросилась впередъ, мохнатая лапа ея проскользнула по ладони вора, и орѣшина въ ту же секунду исчезла съ нея.

Крѣпко обругавшись, разбойникъ повернулся къ Піявкѣ и ударилъ ее такъ сильно по головѣ, что она безъ чувствъ отлетѣла

на другой конецъ комнаты. Но до того, какъ онъ ударилъ ее, случилось еще два происшествія. Одну лапу обезьяна вытянула впередъ, чтобы защитить себя отъ неожиданнаго нападенія, и сорвала ею черную маску съ лица разбойника, такъ что Дональдъ сейчасъ же узналъ его при свѣтѣ огня; другой лапой Пявка живо запрятала золотую орѣшину себѣ въ ротъ. Воръ однако замѣтилъ это послѣднее движеніе обезьяны, и, торопливо поднявъ ее съ пола, онъ раскрылъ ей челюсти. Онъ ощупалъ пальцами весь ея ротъ, но орѣшины въ немъ не было. Тогда онъ зажалъ ея голову у себя между колѣнями и ощупалъ все ея горло, но орѣшины нигдѣ не было.

Ударъ, полученный Пявкой по головѣ, очевидно, втолкнулъ золотую орѣшину ей въ горло, и она проглотила ее.

Что было дѣлать? Если бы у вора былъ ножъ въ карманѣ, въ двѣ секунды онъ бы зарѣзалъ имъ Пявку. Но пока онъ безъ успѣха шарилъ въ карманахъ, Пявка пришла въ себя, стряхнулась, вырвалась и вскочила на верхнюю полку. Воръ бросился за ней, и тогда произошла такая потѣшная охота, какой вы, конечно, никогда не видали.

Такъ какъ лицо разбойника было открыто

(онъ и не подозрѣвалъ, что Дональдъ давно узналъ его), онъ боялся оглянуться на него и поэтому долженъ былъ преслѣдовать обезьяну, ни разу не взглянувъ въ ту сторону, гдѣ лежалъ Дональдъ. И въ концѣ концовъ, выбившись изъ силъ, онъ такъ и бросилъ ловить Пявку, потому что она никакъ ему не поддавалась. Тогда оставалось одно — это ослѣпить Дональда.

Подойдя къ кровати, разбойникъ надернулъ одѣяло на его лицо и повторилъ ему угрозу, что онъ убьетъ его, если онъ шевельнется. Для еще большей безопасности у Дональда изъ-подъ подушки былъ отнятъ револьверъ, и тогда оба вора, взявъ веревку, стали ловить Пявку на петлю. Они легко ее поймали, потому что, какъ ни была увертлива обезьяна, воры были ловчѣе ея — они были извѣстные конокрады и умѣли накидывать арканы на шею. И вотъ Пявка была поймана, сдернута съ полки и посажена въ наволочку съ подушки Дональда.

Тогда воры угрюмо пожелали Дональду покойной ночи и вышли изъ дома со своимъ кошелемъ. Пока они выходили изъ двери, Дональдъ окликнулъ ихъ:

— Покойной ночи, подлые люди, — сказалъ онъ имъ, — и помните мои слова: «если

вы поднимете руку на обезьяну, вы всю вашу жизнь будете раскаиваться въ этомъ!»

Это немного испугало воровъ, потому что, хотя они не хотѣли въ этомъ признаваться другъ другу, въ обезьянѣ они видѣли что-то такое, не совсѣмъ чистое. И какъ никакъ, боясь ли самой обезьяны, или боясь собственной совѣсти, вмѣсто того, чтобы сейчасъ же, выйдя отъ Дональда, убить Пявку, они бережно понесли ее съ собой домой, разсуждая о томъ, кому изъ нихъ бить ее и вообще какъ бы это лучше сдѣлать.

Глава VII.

Когда воры добрались до своего дома, они, наскоро позавтракавъ, продолжали спорить о томъ, какъ раскрыть имъ ихъ необыкновенный кошель и какъ достать изъ него золотую орѣшину.

Къ ихъ несчастію, обезьяна выкарабкалась изъ наволочки, какъ только они пришли домой, и дѣти воровъ сейчасъ же схватили ее и объявили, что обезьяна теперь будетъ ихней. Когда же имъ сказали, что обезьяна должна быть убита, младшій ребенокъ, маленькая дѣвочка, такая миленькая, что даже

ея дурной отецъ не могъ не любить ее, развилась слезами и, охвативъ рученками шею отца, стала умолять его пощадить жизнь обезьяны и оставить ее, чтобы она съ ними играла. Тогда разбойникъ, какъ онъ ни былъ дурень, не могъ не тронуться просьбой своего ребенка, имѣвшаго на него необыкновенное вліяніе. Онъ рѣшилъ, что убьетъ обезьяну не на глазахъ дѣтей, а такъ, чтобы они объ этомъ не узнали. Кромѣ того, было бы очень плохо имъ, если бы народъ въ долину узналъ, что они убили обезьяну, потому что Дональдъ, конечно, будетъ всюду ее искать; такъ что, еще посовѣтовавшись между собой, воры рѣшили такъ убить Пявку, чтобы никто не былъ этому свидѣтелемъ. Они знали, что, если они застрѣлятъ, или утопятъ обезьяну, или зарѣжутъ ее, дѣти потомъ будутъ сердиться на это и тогда вся исторія непременно будетъ рассказана ими товарищамъ и такъ она дойдетъ до семьи Дональда. Поэтому замѣчательно хитрый планъ былъ придуманъ разбойниками. Единственнымъ способомъ убить Пявку такъ, чтобы при этомъ не было свидѣтелей и чтобы они сами при этомъ не присутствовали,—было взорвать ее порохомъ. Этотъ способъ имѣлъ еще то преимущество, передъ которымъ воры не хотѣли

признаться другъ другу, хотя въ дѣйствительности эта причина болѣе всѣхъ другихъ заставила ихъ подумать о порохѣ. Въ глубинѣ своихъ сердецъ эти люди были трусы, и послѣ странной угрозы, какой проводилъ ихъ Дональдъ изъ своего дома, они оба втихомолку боялись наложить руку на Пявку. Обезьяна была для нихъ таинственнымъ существомъ. Никогда прежде они не имѣли съ ней дѣла. Лицо Пявки имѣло странное человѣческое выраженіе, и убить ее хладнокровно было почти то же, что убить человѣка.

Такъ что порохъ былъ именно разрѣшеніемъ затрудненія, и воры сейчасъ же принялись за исполненіе своихъ намѣреній. Пока, какъ одинъ изъ нихъ оставался въ кухнѣ подлѣ огня со своимъ семействомъ, чтобы отвести подозрѣніе, другой, зарядивъ трубочку пороха, какую употребляютъ рудокопы, отыскавъ фитиль двухъ футовъ длиной и захвативъ съ собой веревку, вышелъ за избу въ лѣсъ съ обезьяной, сказавъ, что онъ хочетъ вывести ее погулять.

Зайдя за густую чащу и скрывшись за ней изъ виду, разбойникъ привязалъ Пявку къ стволу дерева. Потомъ онъ крѣпко-накрѣпко привязалъ трубку съ порохомъ къ хвосту обезьяны, пропустилъ въ ней одинъ конецъ

фитиля, зажегъ спичку и поджегъ ею его другой конецъ. Увидавъ, что фитиль зажегся и огонекъ тихонько поползъ по немъ вверхъ, онъ изо всѣхъ силъ бросился къ дому.

Второй воръ въ это время досталъ съ полки гармонію и сталъ на ней играть изо всей мочи, чтобы заглушить шумъ отъ готовившагося взрыва. Когда палачъ, запыхавшись, вбѣжалъ въ избу, онъ съ шумомъ присоединился къ пляскѣ, начатой дѣтьми, какъ только заиграла гармонія. И такой топотъ и гамъ поднялись тогда въ хатѣ, что, пожалуй, шумъ землетрясенія могъ бы быть имъ заглушень.

Но неожиданно произошло страшное смятеніе.

Въ открытую дверь влетѣла обезьяна и, присоединившись къ кругу плясавшихъ, стала среди нихъ танцовать сама. Съ шеи ея висѣла веревка, подоженная съ конца; но что заставило дѣтей закатиться веселымъ смѣхомъ, это была завернутая трубочка, привязанная къ хвосту обезьяны и звенѣвшая теперь по полу при каждомъ движеніи тѣла Пявки. И—страшно сказать!—у этой трубочки былъ еще свой хвостикъ, который, казалось, тоже горѣлъ, потому что маленькіе красные огоньки вспыхивали на его кончикѣ.

Увидѣвъ обезьяну, воры вскрикнули такими дикими голосами, что дѣти невольно замерли отъ ужаса какъ статуи. Лица разбойниковъ побѣлѣли отъ страха, и еще нѣсколько секундъ прошло, пока они достаточно оправились. Тогда одинъ изъ нихъ схватилъ дѣтей въ охапку и бросилъ ихъ всѣхъ подъ постель въ сосѣдней комнатѣ. Другой, который и былъ виной всему несчастію, видя, что единственнымъ спасеніемъ для него и всего дома было выбросить Пявку вонъ, схватилъ дымившуюся обезьяну въ руки и бросился съ ней къ двери. Но, какъ ни были быстры его дѣйствія, они все-таки были не довольно быстры.

Находившіеся люди услышали оглушительный ударъ; домъ наполнился дымомъ; сѣнцы обратились въ кучу развалинъ, и почернѣвшій трупъ человѣка лежалъ теперь среди обуглившихся балокъ. Одинъ изъ разбойниковъ, ихъ жены и дѣти были спасены. Но, когда дымъ разсѣялся и тѣло подлѣ двери было изслѣдовано, оказалось, что и въ немъ еще была жизнь.

Нѣсколько недѣль разбойникъ былъ на краю жизни и смерти. Много онъ перестрадалъ и почувствовалъ за это время и, когда, наконецъ, онъ былъ въ силахъ подняться

съ кровати и въ первый разъ выйти изъ дома на воздухъ, онъ уже не увидѣлъ солнца своими ослѣпшими глазами.

Конечно, сбылось предсказаніе Дональда.

Когда онъ услыхалъ въ этотъ вечеръ о случившемся то, хотя онъ уже объявилъ въ полиціи имена виновныхъ въ похищеніи его золота людей, онъ рѣшилъ не вести дѣла дальше.

Божій судъ совершился раньше человеческого.

Глава VIII.

Поздно вечеромъ въ тотъ день обезьяна вернулась въ свой прежній домъ.

Дональдъ нашелъ ее лежавшей у крыльца въ почти неузнаваемомъ видѣ. Однако, благодаря тому, что разбойникъ несъ ее на рукахъ, половина ея тѣла была нетронута, за то другая была въ плачевномъ видѣ, и весь длинный прекрасный хвостъ Пявки, ея игрушка и величайшее украшеніе, былъ оторванъ у самага основанія.

Бѣдное существо лишилось сознанія, и то, что камешки вокругъ него всѣ были разбросаны, показывало, что оно лежало здѣсь часъ или два.

Дональдъ былъ глубоко тронуть и, поднявъ обезьяну на руки съ такой нѣжностью, съ какой онъ поднималъ своихъ дѣтей, положилъ ее въ свою постель и обернулъ тряпками ея ожоги.

Проспавъ очень долго, обезьяна наконецъ проснулась, и Дональдъ, сидѣвшій молча у ея изголовья, нагнулся къ ней и подставилъ ей свое лицо, которое она стала лизать. И въ ту минуту, какъ она открыла ротъ, Дональдъ вскочилъ съ своего стула, точно въ него выстрѣлили.

Тамъ, во рту, между зубами, обезьяна держала золотую орѣшину!

Прошло пять лѣтъ. Дональдъ теперь самый богатый человѣкъ въ «Серебряномъ Крикѣ», и на его золотыхъ розсыпяхъ работаютъ сотни рабочихъ. Онъ живетъ въ громадномъ домѣ, роскошно убранномъ и полнымъ драгоценностями, которыя онъ радъ показывать многочисленнымъ посѣтителемъ, приходящимъ смотрѣть его розсыпи. Но изъ всѣхъ этихъ драгоценностей самой большой драгоценностью осталась Пявка, — обезьяна безъ хвоста, та, что нашла первую золотую орѣшину и что составила его богатство, какъ хозяинъ самъ говоритъ о ней всѣмъ. Потому

онъ рассказываетъ о томъ, какъ эта орѣшина была найдена и украдена и вновь найдена и какъ, послѣ того какъ Пявка выздоровѣла, они пошли съ ней вдвоемъ къ тому мѣсту, гдѣ былъ найденъ кусокъ золота, и какъ они тамъ стали искать и находили кусокъ золота за кускомъ, орѣшину за орѣшиной до тѣхъ поръ, пока въ нѣсколько мѣсяцевъ не напрятали столько золота подъ кровать Дональда, сколько не собрали во всѣхъ розсыпяхъ вмѣстѣ съ самаго начала ихъ открытiя.

Послѣ всѣхъ этихъ рассказовъ добрый Дональдъ обыкновенно выговариваетъ нѣсколько словъ на гелическомъ нарѣчii, и безхвостая безсмертная обезьяна тогда впрыгиваетъ ему на руки, чтобы онъ поласкалъ ее. И тогда онъ указываетъ гостямъ надпись, сдѣланную на золотомъ ошейникѣ Пявки, и заставляетъ ихъ ее читать:

«Вѣрной Пявкѣ

отъ

Благодарнаго Хозяина».

Ошейникъ сдѣланъ изъ первой орѣшины.

Августа 2-го 1888 года.

КОНЕЦЪ.

Другія дѣтскія книги Л. Л. Толстого:

Для дѣтей (разказы).

Яша Поляновъ (воспоминанія изъ дѣтства).

Дѣти Елены (разказы Д. Габбертона, переводъ съ
англійскаго, съ иллюстраціями).

Цѣна 75 к.